

— Второй молодой господин, второй молодой господин, очнитесь...

Минну сквозь сон услышал, как кто-то зовет его. В груди всё еще отдавалось тупой болью, а тело сковал ледяной холод, словно его только что вытащили из ледяной воды. Лоб покрылся крупными каплями пота.

— Второй молодой господин!

Минну распахнул глаза. Перед ним было знакомое лицо: Ванчунь взволнованно и с тревогой смотрел на него.

В мыслях всё еще стоял образ в алых одеждах, а холодный взгляд этих глаз феникса, казалось, буравил его насквозь. В груди Минну вспыхнул гнев; в горле словно что-то застряло, и он надрывно, тяжело закашлялся.

— Второй молодой господин... Полегче. Если вам сегодня нездоровится, я схожу к Чуньлань и всё ей объясню.

Чуньлань... Как же давно он не слышал этого имени. Личная служанка госпожи Цзян.

Взгляд Минну прояснился. До него наконец дошло происходящее: в ушах всё еще стоял гул, но вокруг была до боли знакомая обстановка. Место, где он прожил больше десяти лет.

Стоявший перед ним Ванчунь когда-то был его верным слугой.

— Молодой господин Хэ сегодня слег в лихорадке, — продолжал Ванчунь, не замечая состояния Минну. — Хозяин и госпожа сейчас у него и велели вам немедленно явиться. Должно быть, из-за этого...

Знакомый голос пробудил лавину воспоминаний, накладываясь на реальность. Минну невольно коснулся лица и бросился к зеркалу.

Отражение явило ему лицо подростка — нежные, еще не погрубевшие черты тринадцатичетырнадцатилетнего мальчишки. На него испуганно смотрели кроткие, влажные глаза. Облик его можно было назвать миловидным, если бы не постоянное недоедание: кожа казалась болезненно-желтой, а сам он выглядел изможденным, словно зачахший, придавленный к земле побег.

Он вспомнил... Тот раз, когда Цзян Сюэхэ слег с лихорадкой. Это случилось очень давно, много лет назад.

Минну опустил взгляд на свои ладони. На пальцах не осталось и следа от недавнего кашля.

Крови не было.

— Второй молодой господин, что с вами сегодня? Вы слышите меня?

В голове вспыхнула безумная, невероятная догадка. Минну захлестнул такой ураган чувств, что у него закружилась голова. Радость, ярость, горечь неразделенной обиды и жгучая ненависть — всё смешалось в один удушливый ком. На миг ему показалось, что он снова лишится чувств.

— Ванчунь... Всё хорошо, — Минну заставил себя успокоиться.

Пока они переговаривались, снаружи нетерпеливо постучали. Это была Чуньлань, и в ее стуке явно сквозило раздражение.

Минну хоть и звался вторым молодым господином, но жил не лучше последнего слуги. Господин и госпожа Цзян запрещали ему покидать отдельный двор, по сути удерживая под домашним арестом. Покинуть стены обители и увидеть названных родителей он мог лишь тогда, когда его соизволили призвать.

Минну прикусил язык, чтобы унять дрожь и взять себя в руки. Холодный пот на лбу начал подсыхать, пока он лихорадочно перебирал крупы воспоминаний.

Позже, когда он вслед за Цзян Сюэхэ вступил на Путь бессмертия, ему открылась правда. Он узнал, что с самого детства рос в поместье Цзян лишь для того, чтобы стать живым щитом, принимающим на себя все хвори, несчастья и проклятия старшего брата.

Подобные куклы-заместители были редкостью даже в Девяти провинциях. Для создания связи требовалось добыть на Пэнлае редчайшую кровоизущую траву и смешать ее со свежей кровью истинного хозяина. Тот, кто выпивал это зелье, навеки становился безвольной марионеткой, обреченной перетягивать на себя любые раны и страдания другого человека.

Минну отчетливо помнил: в прошлой жизни именно в этот год, с наступлением первых снегов, у Цзян Сюэхэ начался сильнейший жар. Госпожа Цзян пригласила гадателя, и вскоре после этого Минну насильно напоили отваром из кровоизущей травы.

Тот день сковал их судьбы воедино, положив начало его бесконечным мучениям.

Похороненные заживо воспоминания хлынули неудержимым потоком. Минну прикусил губу так сильно, что на языке выступил солоноватый вкус крови. Ванчунь, обернувшись, заметил это и испуганно бросился к нему, пытаясь разжать его челюсти.

— Второй молодой господин, что вы делаете?!

Ванчунь крепко перехватил его подбородок, силой размыкая стиснутые зубы. От страха слуга весь покраснел, а в глазах застыли слезы.

— Если вы решите наложить на себя руки, то подумайте хотя бы обо мне и о няне!

Договорить он не успел — дверь с тихим скрипом отворилась. На пороге стояла Чуньлань. Бросив на них холодный, оценивающий взгляд, она заставила Ванчуня мгновенно замолчать.

— Господин и госпожа не любят ждать, — равнодушно обронила она. — Надеюсь, второй молодой господин не забыл о правилах приличия.

Минну успокаивающе посмотрел на Ванчуня. Мысль о няне принесла мимолетное облегчение, но перед тем, что его ждало впереди, он вновь стиснул зубы до скрипа.

Цзян Сюэхэ... Ему предстояло встретиться с юным Цзян Сюэхэ.

Послушно следуя за Чуньлань, Минну направился к главному залу. Ванчуня дальше порога не пустили. Он остался ждать снаружи, провожая хозяина полным тревоги взглядом.

Клан Цзян был древним и могущественным родом из Цзянчжоу, бравшим свое начало еще в Сучжоу при прежней династии. Поколения ученых и каллиграфов прославили их имя. И по сей день Цзянчжоу оставался средоточием духовной силы Девяти провинций, а поместье Цзян гремело своей славой на весь поднебесный мир.

Они миновали расписные галереи, украшенные позолотой и резьбой в виде плывущих облаков. В воздухе плыл тонкий, едва уловимый аромат дорогих благовоний. Но Чуньлань вела его вовсе не в покои господина и госпожи.

В детстве Минну больше всего на свете ждал этих редких вызовов. Он наивно верил, что если будет стараться, то станет похож на Цзян Сюэхэ и наконец заслужит любовь и признание родителей.

Теперь-то он знал: госпожа Цзян не испытывала к нему ни капли жалости, а глава клана, его собственный отец, никогда не интересовался, жив он или мертв.

Он был лишь сосудом, бездушной куклой. Расходным материалом, созданным лишь ради спасения Цзян Сюэхэ.

Чуньлань уводила его всё дальше в глубь переходов.

— Молодой господин Хэ тяжело болен, — не оборачиваясь, проговорила она. — Госпожа велела вам присмотреть за ним. Следите, чтобы с ним ничего не случилось.

Минну прекрасно понимал, что забота о больном — лишь предлог. Очень скоро Чуньлань принесет чашу с отваром кровоизливающей травы и заставит осушить ее до дна.

Уже к вечеру его тело запылает в лихорадке, забирая болезнь Сюэхэ себе. В прошлой жизни он выпил яд, даже не догадываясь, что делает первый шаг в бездну.

Покои Цзян Сюэхэ располагались в самой лучшей части усадьбы. Здесь всегда было солнечно и тепло, в отличие от его собственного, вечно сырого и заброшенного флигеля. Каждый кустик, каждый камень в саду здесь подбирались с величайшей тщательностью.

Даже росшие у крыльца ветви тысячи золотых оправдывали свое название — каждая стоила целое состояние.

Чуньлань толкнула тяжелую дверь. Из полумрака комнаты пахнуло горьковатым морозным ароматом. Внутри тускло теплился единственный светильник, бросая зыбкие тени на расписную ширму, за которой угадывались очертания постели.

Тринадцатилетний Цзян Сюэхэ казался совсем хрупким. Его необычайно красивые, тонкие черты лица уже тогда начинали обретать ту изысканную четкость, что пленит каждого в будущем. Но сейчас из-за жестокого жара он был смертельно бледен; губы потеряли всякий цвет. Он походил на увядающий, беззащитный цветок, чья немощь лишь подчеркивала его болезненную прелесть.

Сюэхэ лежал без сознания. Обычно собранный и колючий, сейчас он лишился своей привычной брони, представ беззащитным перед любым ударом судьбы.

Минну вгляделся в это лицо. Беспомощный, слабый мальчишка... Трудно было поверить, что когда-то этот человек будет взирать на него с недостижимой высоты. Не помня себя, Минну медленно подошел к постели.

В неверном свете догорающей свечи Минну вновь почувствовал тупую боль в груди. Шрамы прошлой жизни, казалось, заныли разом, требуя отмщения. Глаза его потемнели от хлынувшей ярости. Повинуясь слепому порыву, он протянул руку и сжал пальцы на горле Сюэхэ.

Под ладонью билась тонкая, хрупкая шея. Стоило навалиться всем весом, сильнее надавить — и этот человек задохнется, умрет прямо здесь, не успев даже пикнуть.

В прошлой жизни Минну не смел обидеть и наводящее ужас существо, а теперь его душу душила глухая злоба. Ощущая под пальцами нежную кожу и горячую пульсацию вен, он сжал ладонь крепче.

Цзян Сюэхэ глухо застонал и судорожно закашлялся.

— Кхэ... кхэ...

— Второй молодой господин! — раздался из-за двери голос Чуньлань.

Минну мгновенно отдернул руку. Лежащий на постели мальчик так и не пришел в себя, лишь беспокойно заметался на подушках.

Створка отворилась. Минну успел отступить на шаг, делая вид, что просто поправляет одеяло. Вошедшая Чуньлань скользнула взглядом по лицу Сюэхэ, а затем пристально уставилась на Минну.

Сердце Минну бешено колотилось после едва не совершенного убийства. Он поспешно опустил голову, пряча взгляд. В руках служанка держала изящную сине-зеленую пиалу. Темный отвар внутри тускло поблескивал, а по краям расходились зловещие багровые разводы — в зелье уже успели добавить чужую кровь.

— Сестрица Чуньлань... — как можно тише спросил Минну, — это лекарство для молодого господина Хэ?

— Это укрепляющий отвар, который госпожа велела приготовить специально для вас, — мягко ответила Чуньлань. — Она беспокоится, как бы вы не подхватили заразу от молодого господина Хэ. Выпейте, это защитит вас от простуды.

Чуньлань была миловидна: тонкие черты лица и кроткий разрез глаз располагали к себе, заставляя любого ослабить бдительность. В детстве Минну верил каждому ее слову.

Но теперь перед ней стоял совсем другой человек. Он прекрасно знал, какая отравы налита в эту пиалу, и молча смотрел, как смертоносное зелье приближается к его губам.

Разбить чашу? Бесполезно. Госпожа Цзян тут же велит принести новую. За всем этим стояла воля главы клана Цзян, и если Минну проявит хоть каплю строптивости, его просто скрутят и зальют отвар силой.

Минну почти не умел читать. Но в прошлой жизни он часами простаивал у письменного стола Цзян Сюэхэ, разглядывая трактаты по медицине, и краем уха слушал, как тот наставлял младших учеников.

Среди прочего Сюэхэ как-то вскользь упомянул способ, способный лишить кровоизливающую траву ее магических свойств.

Минну покорно принял пиалу. Словно невзначай он задел пальцем острую заколку, приколотую к рукаву. На подушечке выступила крохотная капля крови и тут же упала в темную жидкость, бесследно в ней растворившись.

Чуньлань ничего не заметила. Она бесстрастно наблюдала за тем, как Минну медленно, глоток за глотком, осушает чашу до самого дна. И лишь когда он вернул пустую посуду, она наконец отвела взгляд.

— Молодой господин Хэ всё еще без чувств. Если вы устали, второй молодой господин, то можете идти к себе, — распорядилась она. Ей явно не хотелось, чтобы Минну мозолил глаза у постели ее любимого господина.

Сердце Минну бешено колотилось в груди, во рту разлилась нестерпимая горечь целебного яда. Он воспользовался тайным знанием самого Сюэхэ. Тот был не только гениальным мечником, но и выдающимся лекарем, прекрасно разбиравшимся в травах.

Ирония судьбы: сейчас Минну применил его же метод против него самого.

— Я... я бы хотел побыть здесь еще немного, — тихо произнес Минну, слегка сжав кулаки. Он до последнего сомневался, позволит ли ему служанка остаться.

Чуньлань недовольно нахмурилась, но, рассудив, что дело сделано и отвар выпит, спорить не стала.

— Если что-то понадобится — позовите, — бросила она на прощание.

Ей и в голову не могло прийти, что у этого забитого мальчишки хватит духу причинить вред Цзян Сюэхэ.

Дверь с тихим стуком закрылась. В полумраке комнаты продолжали тлеть прохладные благовония. Минну, содрогаясь от внутреннего озноба, проводил служанку взглядом и вновь шагнул к постели.

Мальчик лежал неподвижно, его веки были плотно сомкнуты, а красивое лицо казалось на удивление умиротворенным, лишенным привычной колючей холодности.

Минну поднял дрожащие руки. Его кроткие, темные глаза смотрели на спящего с затаенной болью. Перед ним лежал главный виновник его гибели в прошлой жизни. И сейчас судьба даровала ему идеальный шанс поквитаться за всё.

Он вновь коснулся бледной кожи на шее Сюэхэ. Тот спал, не подозревая об угрозе. Под ладонью Минну слабо, но ровно билась жилка; дыхание больного оставалось поверхностным и прерывистым.

По комнате плыл тонкий аромат хвои. Внезапный порыв сквозняка шевельнул тяжелые занавеси. Сюэхэ тяжело вздохнул, словно ему не хватало воздуха, его ресницы дрогнули, и в следующую секунду он открыл глаза.

Минну застыл, столкнувшись взглядом с парой глубоких, чайного цвета глаз феникса.

—... Цзян Минну?

<http://bllate.org/book/20439/2106070>